ПАРТНЕР ВЫПУСКА ГАЗПРОМБАНК БАНК ГПБ (АО)

РЕЦЕНЗИЯ

Двести лет рядом

В издательстве Елены Шубиной вышел новый роман Гузель Яхиной «Дети мои», посвященный судьбе немцев Поволжья. О первом художественном произведении в России, которое пытается осмыслить феномен под названием «российские немцы», для **«Д»** рассказывает **Андрей Архангельский.**

Андрей Архангельский

АНАТОЛИЙ ЖДАНОВ

В прошлом году Гузель Яхина стала лауреатом самой престижной писательской премии в России «Большая книга»

Поволжские немцы. При этих словах у большинства россиян среднего и старшего возраста возникает только одна ассоциация: в перестройку на короткий период заговорили о реабилитации репрессированных народов, в том числе немцев Поволжья, но вскоре эту тему заслонили другие события, и она совсем ушла из новостей. Никто из руководителей СССР, а затем и России так и не решился развязать этот запутанный узел длиной в 75 лет. Тема ушла в область умолчания, недоговорок, полускрытого. Только редкий внимательный читатель, обратив внимание на место рождения, например, нынешнего главы Сбербанка Германа Грефа (село Панфилово Павлодарской области Казахской ССР), может догадываться, почему именно там: в 1941 году его семья и сотни тысяч других этнических немцев были высланы из европейской части страны на Урал, в Сибирь, в Казахстан.

Между тем история российских немцев уходит корнями в еще более глубокое прошлое, на 200 лет назад — когда первые переселенцы из раздробленных и измотанных войной земель Рейнланда, Гессена и Пфальца потянулись в Россию, откликнувшись на призыв Екатерины II (Манифест 1763 года) ко всем иностранцам: «Дети мои! Принимаю вас под отеческое крыло наше!» Так — «Дети мои» — озаглавлен и новый роман Гузель Яхиной, которая в 2015 году ярко дебютировала с романом «Зулейха открывает глаза», описывающим мытарства татарской крестьянки. Теперь она взялась за еще одну потаенную историю — историю поволжских немцев.

Первое чувство, которое испытываешь, когда читаешь роман: в России до сих пор остаются какие-то погребенные темы, целые архипелаги тем. Такую историю можно было бы написать о десятках народов России, и каждый раз это будет открытием для нас. Все это последствия сталинской «национальной политики», за что Россия расплачивается до сих пор. О переселенных народах много писали в 1990-е, но не о поволжских немцах. Книга Яхиной — первая такая попытка.

Личная мотивация автора прозрачна: по первому образованию Гузель Яхина — учительница немецкого языка, училась в том числе в Германии. Когда имеешь дело с языком, открывается нечто большее — система мышления, мировоззрение. Но есть в этой теме и еще один притягательный момент. Сегодня в моде самоидентификация: каждый разбирается с собственными корнями, пытаясь понять самого себя — а заодно и других. В случае с поволжскими немцами этот вопрос зачастую ставит в тупик даже их самих. Кто они?.. Кем они себя ощущали, когда жили в Российской империи? И тем более когда к российскому прибавилось еще советское?.. Что это было за явление?..

Зачем императрица призывала иностранцев в Россию в общем понятно: нужно было осваивать огромные малонаселенные земли, развивать сельское хозяйство и, чего уж там, прививать культуру. В Россию переселялись многие народы, в том числе из Европы, но ни одно переселение не имело столь массового и организованного характера и ни один народ не обрел автономию внутри России. Кроме поволжских немцев. При этом переселенцам гарантировали сохранение их языка, веры (как правило, лютеранской, католической) и других элементов национальной культуры. Проще говоря, государство обещало не влезать в их жизнь со своим уставом. Интересно, что даже экономика внутри немецкой автономии была сложным компромиссом между немецким частным укладом и русским общинным. Это выглядит очень толерантно, даже мультикультурно, как сказали бы сейчас, но это невольно обрекло российских немцев на положение чужих среди своих. Живя с соседями вполне мирно (приведем потрясающий факт: во время коллективизации поволжские немцы часто прятали живность и зерно у русских и киргизских соседей, поскольку в соседних областях план по сдаче продуктов государству был меньше), немцы тем не менее жили обособленно, не впуская в свою жизнь других. С другой стороны, российские немцы во втором-третьем поколениях, пишет Яхина, были так же далеки и от самой Германии, которая к тому времени сильно изменилась. Между собой переселенцы общались по-немецки, но опять же это был не германский немецкий, а диалекты тех земель, из которых были родом их предки. Все это напоминает фантастический эксперимент: словно бы из истории вырезали часть полотна и пришили в качестве заплатки в другом месте. Поволжские немцы сохранили свой уклад, обряды, фольклор, парадоксальным образом соединив их с местными обычаями. Они жили на Волге, но именно на своей Волге!.. Яхина пишет о чувстве «большой реки», которая есть в теле каждого волжанина, а значит, и поволжского немца! Каждый из них может безошибочно, в каком бы месте ни оказался, определить, в какой стороне находится река. Эта особенность описана в многочисленных текстах: в сказках Фердинанда Вальберга, дневнике Якоба Дитца, текстах и даже песнях советских немцев.

> Главный герой с говорящей фамилией Бах большую часть романа нем. Это последствие ужасов, пережитых им во время Гражданской войны

Странное, бесконечно странное существование — жить отдельно, но в то же время в полном единении с местной природой, обычаями. Впрочем… Мы читали у Достоевского, что русские готовы принимать чужое как свое — почему бы не предположить это качество и у немцев?.. Не перечислить немцев на государственной службе, которые за два века составили славу России — это общеизвестно. Но забежим опять вперед. После всех испытаний, которые выпали в XX веке, после коллективизации, репрессий, насильственного переселения, жизни на поселении и службы в трудовых армиях, после всех мытарств, уже в 1990-е годы часть российских немцев все еще стремилась вернуться не в Германию, а именно в Поволжье, которое они и считали своей родиной.

Яхина называет поволжских немцев народом-сиротой, и это точное определение. Приглашая немцев жить «своим укладом», искренне желая им лучшей доли, Екатерина невольно обрекла их на статус вечного сиротства, которое потом много раз аукнулось. И царская Россия, и СССР пытались использовать фактор немецкой автономии в качестве политического рычага на международном уровне. Собственно, создание немецкой автономии со своей конституцией (АССР НП, или, как тогда говорили, Немреспублика) в 1920-е годы в Поволжье во многом было демонстративным шагом, служило витриной интернационализма. Но такое существование всегда содержит в себе риски: при тектонических изменениях ты становишься заложником истории. Так и случилось дважды в истории российских немцев: в 1914 году, а затем в 1941-м.

Герои романа Яхиной живут в начале XX века — в эти времена поволжским немцам, пожалуй, и жилось лучше всего: они осваивали ремесла, строили фабрики и заводы, наладили торговлю, открывали школы и кирхи. Но социальное неравенство внутри местной среды порождало те же конфликты, что и по всей остальной России. В итоге советская власть использовала здесь те же механизмы подчинения, сталкивая бедных крестьян и зажиточных. Но роман Яхиной содержит и более широкую метафорику. Главный герой с говорящей фамилией Бах большую часть романа нем — это последствие ужасов, пережитых им во время Гражданской войны. Но тут еще и игра символов: слово «немец» издавна на Руси означало «немой» — так звали всех иностранцев, кто не разговаривал по-русски.

Важен и другой символический уровень. Главный герой по профессии учитель. Отношения между Германий и Россией в XIX веке многие наши историки описывают как отношения учителя и ученика. XIX век — век немецкой философии. От Канта и Фихте до Гегеля и Ницше; каждым новым учением образованная Россия была буквально заворожена, и каждое из них пыталась реализовать на практике — с разной степенью неуспешности. Но это влияние меркнет в сравнении с тем, которое оказали на Россию два немецких мыслителя: Маркс и Энгельс. Одна пятая часть суши вскоре будет пытаться реализовать их проекты буквально, и уже невозможно понять, кто на кого влияет. Влияет Германия — своими теоретическимb построениями, но влияет уже и Россия — своими массами, энергиями по переустройству планеты на рациональный лад. Ко всему этому просится слово «бумеранг» — его нам и подсказывают сюжетные линии Яхиной. Идея пролетарской революции, которая пришла из Европы и реализовалась в России, докатилась в конце концов и до поволжских немцев, сделав их заложниками сразу двух утопий. Немецкий коммунист, который приезжает в СССР делать революцию руками российских немцев — нет, это не гипербола и не преувеличение: именно такие истории и происходили в 1920-е годы, что и подтверждает интернациональный характер утопии. Все по кругу. Русские и немцы. История все время описывает круг и ранит всегда в первую очередь тех, кто оказывается на ее сгибах, на границах.

Самое страшное испытание — помимо коллективизации — массовая депортация советских немцев в Сибирь и Казахстан — стало наконец трагическим ответом на вопрос, кто они. Это по-своему уникальный случай. До того как в Красной армии начались три волны изъятия этнических немцев (1941–1942 годы), они сражались с фашизмом наравне с другими. Среди них были легендарные имена, такие, например, как летчик Николай Гастелло. В Красной армии воевали несколько генералов—этнических немцев, например Николай Гаген, который в 1941 году оборонял Витебск, вывел из окружения дивизию, впоследствии ставшую гвардейской, закончил войну командующим армией, участник Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года. Или Герой Советского Союза командир артиллерийской дивизии прорыва Сергей Волкенштейн, прошедший всю войну. История знает примеры, когда этнические немцы, солдаты и офицеры, меняли фамилии на фронте, называясь именами погибших товарищей, чтобы продолжать воевать с нацизмом — бывало, что после войны, когда это обнаруживалось, их ссылали в лагеря. В 1941 году тысячи советских немцев воевали с фашизмом — никаких свидетельств о массовых переходах на сторону врага нет. И вряд ли это кого-то особенно удивляло в те годы. Это, вероятно, трудно понять сегодня, но между немцем-коммунистом и нацистом была пропасть, тем более что в Красной армии воевали уже немцы, выросшие при советской власти. И самое обидное для них, как выяснилось позже, было не изъятие с фронта, не работа в трудовых армиях и жизнь почти на правах ссыльных — это они в соответствии с неумолимой логикой войны могли «понять». Но обиднее всего им было осознавать, что их могли заподозрить в предательстве родины.

В упрек Яхиной можно поставить, пожалуй, лишь одно: она тщательно обходит самые острые темы в истории русских немцев. Например, голод в Поволжье, вызванный насильственной коллективизацией, она, по сути, выносит за скобки повествования: до героя доносятся лишь отголоски трагедии, поскольку он по счастливому совпадению живет в уединенном месте, отделенном от немецкой колонии рекой. Яхина умело нивелирует ужасную реальность с помощью языка сказки. Словно бы пытается оградить советскую власть от прямых обвинений, словно бы это не она устроила, а чья-то злая, неземная, нечеловеческая воля. Зато она не забывает рассказать про первые тракторы, которые действительно в большом количестве присылала советская власть в немецкую автономию в 1920-е годы. Не забывает при этом еще и упомянуть Сталина, посвятив ему десяток страниц. Вероятно, упоминание пусть и ужасного, но все же «великого» Сталина служит в глазах издателей теперь гарантией выхода «сложной книги», своего рода охранной грамотой или индульгенцией. Естественно, никто этого не требует ни от автора, ни от издателя. Это, что называется, эксцесс исполнителя. Но тем печальнее, что самоцензура и ползучая норма становится правилом — на телевидении, в кино, а теперь и в литературе. Банально, но история, выходит, ничему не учит даже и самих историков.

1

2

3

1. Евгений Волков. Атакует Эдуард Стрельцов. **2.** Неизвестный автор. 1959 год. Атомоход «Ленин». Футбол в Арктике **3.** Евгений Волков. Вратарь Сергей Котрикадзе. **4.** Сергей Болдин. Наследники Яшина

МАММ / МДФ

4

ЦЕНТР ФОТОГРАФИИ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР

ВЕРНИСАЖ

Футбол как искусство

К чемпионату мира выставки спортивной фотографии открывают Институт русского реалистического искусства, Мультимедиа Арт Музей, ГМИИ имени Пушкина и Центр фотографии имени братьев Люмьер.

«Большой футбол — это большое искусство» — мысль не новая, но еще раз в ее верности убеждаешься, увидев эти фотографии. Их авторы — известные мастера, специалисты спортивной съемки: Игорь Уткин, Лев Бородулин, Александр Абаза и другие. Для болельщиков-ветеранов это лишний повод вспомнить звезд прошлого: вратарей Яшина, Хомича,Котрикадзе нападающих Стрельцова, Хусаинова, Лобановского… На московских фотовыставках, открытых в дни чемпионата мира, можно будет встретиться и с самими спортивными фотографами, а также послушать лекции о спортивной фотографии.